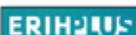

Зайцева Н. Г. «Пусть у вас будет девять сыновей и одна дочь»: именованя юноши и девушки в вепском этноязыковом пространстве / Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 58—73. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-58-73.

Zaitseva, N. G., Zhukova, O. Yu. (2020). “Let You Have Nine Sons and One Daughter”: Naming a Young Man and a Girl in the Veps Ethnolinguistic Space. *Nauchnyi dialog*, 4: 58-73. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-58-73. (In Russ.).

УДК 811.511.11'28++811.161.1'373.23

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-58-73

«ПУСТЬ У ВАС БУДЕТ ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ И ОДНА ДОЧЬ»: ИМЕНОВАНИЯ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ В ВЕПССКОМ ЭТНОЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

© Зайцева Нина Григорьевна (2020), orcid.org/0000-0002-8335-2137, доктор филологических наук, руководитель сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН) (Петрозаводск, Россия), zng@ro.ru

© Жукова Ольга Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0001-9527-7982, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН); доцент кафедры прибалтийско-финской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), olgazhukovaveps@mail.ru

В статье представлены результаты сопоставительного анализа лексики тематической группы вепскоязычных именованя понятий «юноша» и «девушка». Авторы полагают, что именно исторические реалии жизни и особое положение лиц мужского пола в русском государстве, связанное, прежде всего, с подушным наделом земли, отразились в формировании лексики вепского языка данной группы. Поднимается вопрос об особом стремлении вепсов представить и воплотить в языковых образах некие полные, терминологизированные, соответствия русским именованям, что инициировало появление заимствований из русского языка и русских диалектов. В статье привлечено внимание к исследованиям этимологов по поводу лексемы, обозначающей юношу, молодого человека, которую в вепском и карельском языках считают русским заимствованием: вепс. *priha*, кар. *briha* < рус. *пригожий*. В свою очередь, диалектологи утверждают, что известна и обратная связь заимствованной в вепский и карельский языки лексемы и воздействия ее нового фонетического облика и семантики на русские поморские говоры Карелии, приведшие к появлению в последних лексемы *прихоть* со значением

1 Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

‘возлюбленный, милый’. Данный момент свидетельствует о круговороте взаимного притяжения и взаимовлияния в этноконтактной зоне. Анализ показал, что терминология по именованию девушки и молодой женщины не испытала на себе подобного давления со стороны государственного языка, поскольку их фигуры не были настолько вовлечены в государственную жизнь, как юноши и мужчины. В этой группе лексики сохранилось в большей степени исконное лексическое наследие (*adiv, neižne, neičukaine, neidine; devočk*). Лексема *adiv* ‘девушка; гость’, кроме того, позволила в некоторой степени коснуться тайн вепсского гостевого менталитета.

Ключевые слова: вепсский язык; ареальная лингвистика; лексика; семантика; этимология; языковые контакты.

1. Введение

Место девушки и юноши в вепсском этнокультурном пространстве исторически было четко определено. Юноша или мужчина был главой семьи, кормильцем, именно ему полагался подушный надел земли. В связи с этим в раритетном диалектном «Словаре вепсского языка», который можно считать энциклопедией жизни вепсов, сказано: *ende muga sanuiba: ak om hengetoi, uuniž heng akou, ka i hänele man andeižiba* — ‘раньше так говорили: женщина душой не обладает, была бы душа у женщины, так и ей надел земли дали бы’ [СВЯ, 1972, с. 115]. Как отмечают этнологи, «...в вепсских традиционных представлениях подчеркивалось подчиненное положение женщины, более низкий ее ранг по сравнению с мужчиной» [Винокурова, 2019, с. 406].

Данный контекст наличествует также в вепсском свадебном обряде. Высказываемое ранее на свадьбе пожелание о девяти сыновьях и одной дочери [Vepsän sai, 2006], которое представлено в названии данной статьи, хотя и с неким преувеличением, отражает внутрисемейные отношения. У вепсов, как и у многих иных народов, ранее были распространены большие семьи, где сыновья, женатые и неженатые, оставались в отцовском доме, а дочери жили в нем до выхода замуж и далее уходили в дом мужа [Винокурова, 2003, с. 406]. В этом чувствуется глубокий социально-экономический подтекст, который был определен государственной жизнью и имел отношение не только к вепсскому народу. И именно этот факт социальной жизни, на наш взгляд, мог сказаться на утрате вепским языком собственного именованья парня, юноши. Исконно вепские же именованья девушки функционируют в вепсской среде до сих пор, что и отражено на представленных в статье лингвистических картах¹, материал для которых был собран во время полевых экспедиций по вопроснику Лингвистического атласа вепсского языка (ЛАВЯ) в 2013—2014 годах, а также извле-

1 Авторы выражают искреннюю благодарность сотруднику ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой за техническую подготовку лингвистических карт.

чен из тех изданий, где точно обозначена ареальная принадлежность слов [VVS; VS; LP; СВЯ, ОВР; СОСД].

2. Именования *юноши* в вепском языковом пространстве

В прибалтийско-финских языках именования юноши, молодого человека и сына концентрировались в одной лексеме, которая по-фински звучит как *poika* (вепс. *poig*). От нее в родственных языках имеется значительное количество производных. Так, в представленной в виде этимолого-этнографического словаря работе по прибалтийско-финской лексике традиционной культуры финской исследовательницы А. Валли только описание главных словообразовательных вариантов, связанных с лексемой *poika*, заняло шесть страниц [Valli, 1989, с. 3000—3006]. В вепском языке показательными являются наряду с *poig* ‘сын’, например, такие лексемы, как *poigindam* ‘пасынок’, *poigaine* ‘детеныш’, *poigveh* ~ *poigges* ‘выводок (напр. птиц)’, *poikt'as* ‘принести потомство’ [СВЯ, 1972, с. 426—427] и т. д. Последний термин особенно показателен, поскольку именно он используется как обозначение продолжения жизни, в то время как от именованных женского пола подобных образований не возникло.

В языке вепсов, как, впрочем, и в близкородственном карельском языке, тесная связь между сыном и мальчиком или юношей, которая фиксировалась прежде всего единой лексемой, исчезла. В них появилось разграничение терминов для именования понятий «сын» и «юноша», а прибалтийско-финская лексема *poika* (вепс. *poig*, кар. *poigu*) продолжила свое функционирование с семантикой ‘сын’. Причем в языке вепсов даже невозможно построить лингвистическую карту для понятия «сын», поскольку лексема *poig*, являясь правепской, едина во всех диалектах и практически не обладает фонетическими вариантами, как об этом свидетельствует диалектный словарь вепского языка [СВЯ, 1972, с. 426].

Для обозначения юноши, а также и мужчины в вепском и в карельском языках возникли специальные термины, которые обозначают именно данное понятие. Собственно карельское наречие карельского языка сделало выбор в пользу лексемы *purlakka*, *burlakka* [СОСД, 2007, с. 73], которая является русским диалектным заимствованием < рус. диал. *бурлака*, *бурлак* ‘крестьянин, идущий на заработки; неженатый, холостой, одинокий’ [Даль, т. 1, с. 171]); см. также *бурлак* ‘холостой, бездомный, одинокий человек; тот, кто любит погулять, повеселиться’ [СРНГ, вып. 3, с. 292]. В вепском и южнокарельских наречиях (ливвиковском и людиковском), особенно близких языку вепсов, появилась загадочная с точки зрения этимологии лексема *priha* / *briha* ‘*парень, юноша*’ [СОСД, 2007, с. 73]. В свое время исследователь

славянских заимствований в прибалтийско-финских языках Я. Калима предложил для нее русскую этимологию [Kalima, 1952, с. 84—85], связанную со словом *пригожий*, которая впоследствии стала повторяться во всех этимологических словарях: вепс. *priha* / кар. *briha* < *пригожий* [SKES, т. 3, с. 619; SSA, т. 2, с. 410]. В СРНГ в списке диалектных лексем, обладающих тем же корнем, имеются слова, которые больше связаны с женской привлекательностью: *пригожица* ‘красавица’; *пригожунья* ‘красавица’. Отмечено и общее, не прикрепленное к конкретному роду, употребление лексемы в варианте *пригожуля* ‘красивый, привлекательный человек’ [СРНГ, вып. 31, с. 166]. Тем не менее этимологи в качестве этимона вепско-карельской лексемы *priha* / *briha* рассматривают русское прилагательное *пригожий*. На первый взгляд, это странный выбор для заимствования подобного прилагательного в качестве названия человека именно мужского пола. Кажется, что это наилучшим образом могло бы вписаться в контекст о девушке. И вепская народная пословица также подчеркивает: *niičil ezmeine oza — čoma roža* ‘первое счастье для девушек — это красивое лицо’ [VVS, 1992, с. 384]. Но, учитывая значимость юноши, мужчины в семье и в общественной жизни и вепсов, и карелов, да и в целом в том обществе, можно понять, почему была заимствована именно данная, несколько преувеличенная эмоционально для именованного юноши лексема.

Причем, как утверждают диалектологи, процесс контактирования языков продолжал оказывать влияние на функционирование названной лексемы. Возникшее в вепском и карельском языках слово *priha* / *briha*, обзаведясь в них множеством производных (см. напр. вепс. *prihaine* ‘мальчик’, *prihakönz* ‘мальчишка’, *prihač* ‘паренек; братец (фамильярное)’, *prihastada* ‘жить холостяком’, *prihastuz* ‘юность (молодого человека)’ и т. д. [СВЯ, 1972, с. 433]), получило продолжение в русских поморских говорах, где на базе контаминации рус. *пригожий* и вепс. *priha* / кар. *briha* появилось экзотическое существительное *прихохотье* ‘возлюбленный, милый’. Известный исследователь диалектной лексики Русского Севера Л. П. Михайлова полагает, что ограниченность употребления слова *прихохотье* беломорскими (архангельскими) говорами и неразрывная его связь с лексикой, обозначающей ‘возлюбленного, милого’, позволяют предположить, что в подобном варианте оно возникло именно при непосредственном — обратном — карельско-вепском фонетическом и семантическом воздействии на него [Михайлова, 2018, с. 188]. Таков круговорот взаимного притяжения и взаимовлияния в этноконтактной зоне.

Лексема *пригожий*, приобретя в языке вепсов собственный фонетический облик *priha*, стала обладать в своих диалектных вариантах опреде-

ленными фонетическими нюансами. Наиболее распространенный вариант *priha*, а также *prihä*, выступающий в северновепском диалекте и в белозерских говорах восточновепского ареала, и производные лексемы *prihač* (*prihäč*), единично фиксируемые со значением ‘парень, подросток’, позволили представить лингвистическую карту именованного анализируемого понятия (рис 1).

Для прибалтийско-финских языков свойствен закон гармонии гласных, в соответствии с которым в слове могут выступать гласные только переднего (*ä, ö, ü*) или заднего (*a, o, u*) ряда (*e, i* — нейтральны). Вепский язык, очевидно, не без влияния русского, практически утратил к настоящему времени это явление. В нем переднерядные гласные звуки в настоящее время употребляются чаще всего не далее второго или даже не далее первого слога (напр. *küläha* ‘в деревню’, *väha* ‘мало’; см. также лингвистические карты [ЛАВЯ, 2019, с. 46—53]). Но в случае с лексемой *priha* / *prihä* мы имеем в конце слова в вепских диалектах корреляцию *a* / *ä*. Как отмечал известный финский исследователь исторической фонетики вепского языка Э. Тункело, переход безударной гласной *-a* в конце слова в *-ä* в ряде слов вепского языка также произошел именно под влиянием русского языка [Tunkelo, 1946, с. 912]. В свою очередь, фонетист К. Вийк, посвятивший несколько работ изучению гармонии гласных в прибалтийско-финских языках, в том числе и языке вепсов, полагает, что звук *h*, приобретая в вепском под влиянием русского языка несколько иное звучание, перед гласными переднего ряда стал заметно смягчаться, что не было ему присуще. В некоторых словах даже появилась ранее несвойственная им переднерядность, например, *liha* / *lihä* ‘мясо’ [Wiik 1989, с. 90]. В данном случае варианты *priha* / *prihä* отражают в северном и восточном ареалах вепского языка именно данное явление.

Полагаем, что потребность вепского и карельского языков в функционировании в их лексических тезаурусах лексемы, которая обозначала бы непосредственно юношу, молодого человека, была вызвана прежде всего именно русским языковым воздействием, где для именованного сына, с одной стороны, и юноши, с другой, используются разные лексемы. Социально-экономическая жизнь, которая наделяла юношу значительно более важными функциями в окружающей жизни, воздействовала на вепский и карельский языки как своеобразный пример для появления именно закреплённых терминов, для чего и были заимствованы необходимые лексемы.

Отметим, кроме того, что и для названия взрослого мужчины и мужа в вепском используются заимствования из русского языка. В прибалтийско-финских языках функционирует исконная лексема, которая в вепском зву-

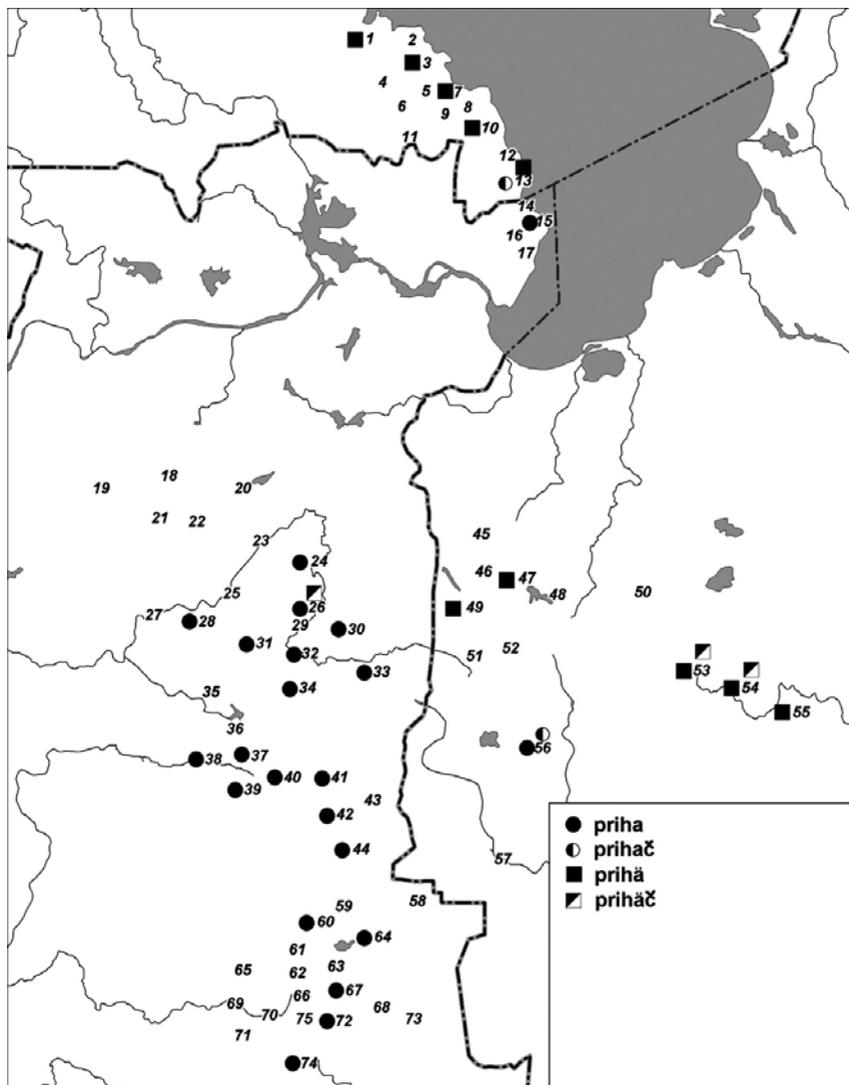

Рис. 1. Наименования понятия «юноша»: карта

чит как *mez'* [СВЯ, 1972, с. 327]. Ее примарное значение было сосредоточено в семантическом поле 'человек' [ЛАВЯ, 2019, с. 301]. Но со временем в родственных вепскому прибалтийско-финских языках это значение оказалось

размытым, и на первый план вышла семантика ‘мужчина’, а первоначальное значение лексемы можно обнаружить лишь в ряде сложных слов — фин. *mies/polvi* ‘поколение’ (букв. ‘человеческое колено’), *matka/mies* ‘путник’ (букв. *matka* ‘путь’ + *mies* ‘человек’) и т. д. Семантическое развитие в данном случае происходило в русле «... универсальной закономерности: человек → мужчина» [ЛАВЯ, 2019, с. 301]. В вепском же языке у лексемы *mez* законсервировалась первоначальная прибалтийско-финская семантика ‘человек’. Во всех его диалектах в значении ‘мужчина’ появилась заимствованная из русского языка еще в правепский период лексема *mužik* [СВЯ, 1972, с. 341]. И в этом случае, думается, повлиял также социально-экономический фактор значимости мужчины и введения в качестве его именованного русского заимствования *mužik* как полного соответствия и своеобразного термина, соответствующего окружающей вепсов государственной жизни. В этом случае карельский язык остановился как бы на полпути. Во всех карельских наречиях также широко функционирует русское заимствование *mušikka, mužikku* в значении ‘мужчина; муж’ [KKS, т. 3, с. 379]. В словаре карельского языка Г. Н. Макарова помещена забавная помета о том, что *mies* — ‘человек (о мужчине)’ [Макаров, 1990, с. 216], то есть если речь идет о женщине как человеке, то используются иные лексемы, например, *ristikanzu* [Бойко и др., 2016, с. 384], свидетельствуя о том, что и здесь в исторические времена отмечалось: женщина — это в жизни государства человек иной категории. И эта «инакость» отношения настоятельно рекомендовала употребление в языке особых, терминологизированных, лексем относительно юноши, молодого человека, с одной стороны, и мужчины и мужа, с другой, что было восполнено за счет заимствований из русского языка.

3. Именования девушки в вепском языковом пространстве

Что касается именованной девушки, то здесь вепский язык не утратил древние термины. Все возрастные и социальные группы лиц женского пола обладают собственными именованиями: *neičukaine* ‘девушка’, *neižne* ‘девушка’, *norik* ‘молодая жена’, *murz'ain* ‘молодая жена’, *naine* ‘молодая женщина’, *ak* ‘жена, женщина преклонного возраста’, *tamš* ‘женщина преклонного возраста’ и т. д. В данном случае нас интересуют обозначения именно девушки, образующие не очень богатый ряд лексем, обладающих, однако, множеством фонетических вариантов. Это прибалтийско-финские лексемы *ađiv, nižne / neidine / niičukaine* и русские заимствования *devočk / devočkeine* (< рус. *девочка*).

Прежде всего, обратимся к жизненному укладу вепского народа и роли в нем женщины, девушки, которые занимали здесь исключительно

важные позиции. Об этом свидетельствует и фольклорная традиция, где на первых ролях были именно женщины — как хранительницы духовного мира, духовной жизни вепсов. Обладательницами знаний по народной медицине, лечебным практикам и магическим ритуалам выступали женщины. «Знающие женщины старшего поколения» привлекались в деревнях и к проведению обрядов семейного цикла [Salve, 2005, с. 93]. Они же были исполнителями свадебных, похоронных, рекрутских и внеобрядовых плачей или причитаний [Жукова, 2015, с. 44; см. также: ККК, 2012, с. 212—222]. Поэтому в языке функционировали различные лексемы, указывающие как на возрастные нюансы, так и на статусные оттенки значений.

Девушка на выданье у северных вепсов обозначается номинацией *adiv*. Этимологически слово *adiv* является, скорее всего, восточным прибалтийско-финским, поскольку за пределами восточных диалектов финского языка, а также вепского и карельского данное слово не известно. Основное значение слова связано с продолжительным гостеванием девушки у родственников. Этимологи полагают, что оно может быть балтийским заимствованием, возможно, связанным с лексемой *ati* ‘свекор’; ср. liet. *atėva*, *atėvis* ‘новичок, вновь прибывший’ [SKES, т. 1, с. 28; SSA, т. 1, с. 88].

В вепском языке с течением времени значение слова несколько изменилось. Как уже было сказано выше, в северновепском диалекте лексема *adiv*, по данным СВЯ, имеет значение ‘невеста, возлюбленная; девушка’ [СВЯ, 1972, с. 20], относясь непосредственно к молодой девушке. В пословице, записанной в северновепском селе Вехручей (Прионежский район Республики Карелия), наблюдаем использование слова именно с указанной семантикой: *prihä löudab ühca adivod* ‘парень может найти и девять девушек (невест)’ [VVS, 1992, с. 421]. Полагаем, что лексема *adiv* в значении ‘девушка, возлюбленная; девушка в гостях’ утвердилась в северном (прионежском) диалекте вепского языка в данном значении из-за воздействия на него карельского языка, который существенным образом повлиял на формирование языка северных вепсов [ЛАВЯ, 2019, с. 535—541].

В иных говорах вепского языка у слова *adiv* отмечается значительное расширение семантики до значения ‘гость вообще’. В данном случае полагаем, что расширение значения было инициировано также влиянием русского языка. В прибалтийско-финских языках имеется лексическая единица *vieras*, главное значение которой находится в семантическом поле ‘чужой, незнакомый’ [SSA, т. 3, с. 433]. В финском литературном языке, кроме значения ‘чужой’, у нее развилось и значение ‘гость’, что для вепского и карельского языков не характерно. Очевидно, слишком широким оказался разброс в семантическом поле «гость — чужой», объединяющем

почти несовместимые, практически антонимичные значения. Карельский язык пошел по пути заимствования для именованя понятия «гость» русской лексемы: *gost'ŭ* [Макаров, 1990, с. 5], *gost'a* [Пунжина, 1994, с. 42], *kost'ja* [KKS, т. 2, 1974, с. 347] < рус. *гость*.

Отметим, что слово *adiv* функционирует в языке вепсов повсеместно. Однако в большинстве вепских говоров произошло расширение его семантики, и слово *adiv* стало обладать значением ‘гость вообще’, то есть гость независимо от пола, поэтому оно в этих случаях на лингвистическую карту именованя понятия «девушка» (рис. 2) не нанесено. В языке возникло значительное количество производных лексем, находящихся в семантическом поле гостеваня, типа *adivoičetada* ‘ухаживать за гостем; угощать’, *adivuz* ‘угощение’, *adivoita* ‘обихаживать; угощать’, *olda adivusil* ‘гостить’ и т. д., поскольку понятия «гость» и «гостить» были исключительно важными для вепского менталитета. Во время экспедиций на вепские земли нам удалось услышать рассказы о том, насколько важно было понятие «гость». Если жильцы уходили из деревенского дома летом в лес, то старались согреть самовар и оставить на столе какое-то угощение для случайного путника, неожиданного гостя. Дом никогда не запирали на ключ. Чаще всего дверная защелка с уличной стороны или коромысло показывали, что хозяев дома нет, но войти туда всегда можно и угоститься тем, что оставлено на столе.

В большинстве вепских говоров в значении ‘девушка’ функционируют древние исконные прибалтийско-финские лексемы, этимологически близкие по происхождению, — *neižne*, *neičukaine* с вариантами, которые нанесены на лингвистическую карту. В вепских говорах имеется большая группа дериватов, свидетельствующая о востребованности и активном употреблении их в речи: *niičestuz* ‘девичество’; *niidištada* ‘пробывать в девичестве’, *niidižlaps* ‘ребенок женского пола’ и т. д. [СВЯ, 1972, с. 358].

В словаре родственного финского языка все эти варианты находятся в этимологической статье *neiti* ‘девушка; молодая незамужняя женщина’ [SSA, т. 2, с. 211], а также в представленной отдельно статье, посвященной слову *neitsyt* ‘девушка; девственница’ [SSA, т. 2, с. 212], являющемуся словообразовательным вариантом лексемы *neiti*. Финский этимолог К. Хякинэн, автор этимологического словаря современного финского языка, отмечает, что первоначальным вариантом этого древнего исконного слова является праформа **nejde* [Häkkinen, 2007, с. 778]. Вепские материалы отчасти находятся в одной, отчасти — в другой из связанных друг с другом этимологических статей. Южновепский же вариант *neid'oo* исклю-

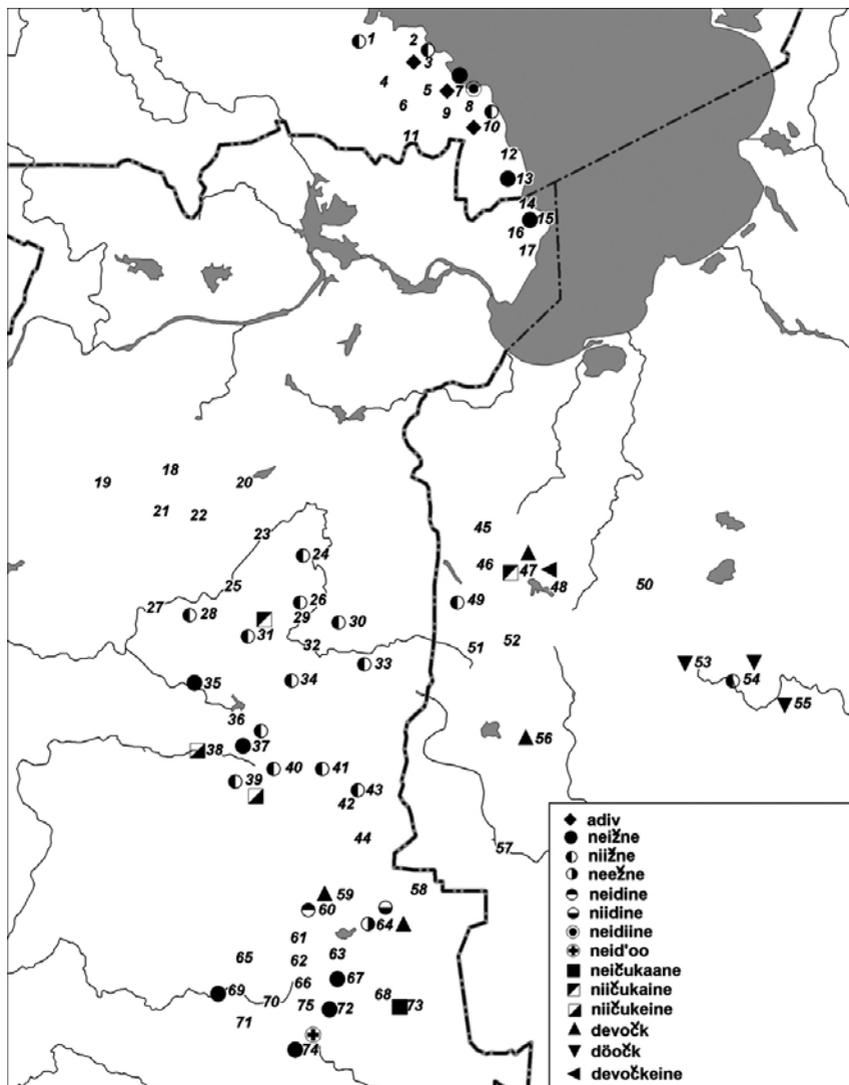

Рис. 2. Наименования понятия «девушка»: карта

чительно близок именно к праформе, напоминая ее фонетически (**nejde*) и поддерживая идею о присвоении языку вепсов еще в XIX веке названия «прибалтийско-финского санскрита» [Grünthal, 2015, с. 22].

Вепские варианты *neidine*, *nežne*, *neežne* точнее всего передают значение ‘девушка’. Вариант *neičukaine*, содержа в себе два диминутивных суффикса, употребительнее в значении ‘девочка’, однако может в некоторых контекстах также обозначать и девушку. Например, в распространенном тексте вепской короткой песенки лексема используется именно с этой семантикой: *kukkub, kukkub kägine pitkän kuuzen ladvas, voikab, voikab niičukaine vepsan prihän kaglas* «кукует, кукует кукушечка на вершине высокой ели, плачет, плачет *девушка* на шее у вепского парня» [LP, 2000, с. 7].

В восточных говорах Вологодской области возник фонетический вариант *niičiine*, который отсутствует в СВЯ. Тем не менее, он функционирует и был представлен на страницах лингвистического атласа вепского языка [ЛАВЯ, 2019, с. 392]. Он также обозначает девушку, но уже ставшую невестой, и поэтому отсутствует на лингвистической карте. Восточные вепсы, чтобы исключить терминологическую путаницу в обозначении девушки и невесты, заимствовали из русского языка для обозначения девушки лексему *devočk / dōočk* < рус. *девочка*.

В южновепском диалекте (Бокситогорский район Ленинградской области), территории проживания носителей которого вместе с территориями восточных вепсов (Бабаевский район Вологодской области) долгие годы исторически входили в Новгородскую губернию в противовес прочим вепским территориям, относившимся к Олонецкой губернии [ЛАВЯ, 2019, с. 539—541, 545], наряду с различными вариантами собственной исконной лексики исследуемого семантического класса используют, как и восточные вепсы, также и слово *devočk* с семантикой ‘девушка’ [ОВР, 1969, с. 213].

4. Заключение

Вепская группа именований юноши и девушки, роли которых были исключительно значимы в социально-экономической жизни, несет на себе ее отпечаток. Общественные реалии, продиктованные особым положением лиц мужского пола в государстве, связанным с подушным налогом, а также стремление вепсов представить и воплотить в языковых образах некие полные, терминологизированные, соответствия русским лексемам обусловили значительное количество заимствований из русского языка и русских диалектов, которые были наиболее близки вепсам. В свете этого исконная лексема *poig*, которая обозначала ранее в прибалтийско-финских языках и ‘сына’, и ‘мальчика, юношу’, сузила в языке вепсов свое значение до ‘сына’, заменившись в обозначении ‘юноши’ на возникший на почве заимствования из русского языка термин *priha* (< рус. *пригожий*). Являясь следствием тесных контактов вепсов и ка-

релов с русскими, лексемы *priha* (*prihä*) / *briha*, кроме того, продемонстрировали и обратную связь с русскими поморскими говорами Карелии, приведя к появлению в последних экзотической лексемы *прихохотье*, ставшей, по всей видимости, конгломератом лексемы *пригожий* и воздействовавших на русские говоры карельско-вепсских вариантов *priha* / *briha* ‘юноша, молодой человек’. Заимствовано было в вепсский, а также и в наречия карельского языка из русских говоров и именование мужчины *mužik* (< рус. *мужик*).

Что касается вепскоязычных именовании девушки, то, как свидетельствует анализ, в этом семантическом сегменте можно констатировать сохранение исконной прибалтийско-финской лексики (*neižne*, *neičukaine*, *neidine*). Причем, одна из лексем, обозначающая в северновепском диалекте девушку (*adiv*), расширив свою семантику, пополнила важный для вепского менталитета раздел лексики гостевания. Очевидно, данный момент был обусловлен тем, что именно женщина прежде всего была связана с гостеприимством, она была хранительницей духовной жизни вепсов, их мифологии, внутренних ресурсов языка. И поскольку девушкам и молодым женщинам не уделялось столько внимания со стороны экономических, статистических, контролирующих служб государства, как мужчинам, то сдерживались и языковые процессы, а именно — продуцирование номинаций, которые служили бы терминологическими обозначениями возрастных категорий, ролей, статусов. Соответственно в вепсских диалектах сохранились собственные лексические ресурсы для именовании соответствующих понятий, которые, тем не менее, также были несколько пополнены русскими заимствованиями (*devočk*).

Список сокращений

1. Вепс. — вепсский; кар. — карельский; рус. — русский; фин. — финский.

Источники и принятые сокращения

1. Бойко Т. П. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова. — Петрозаводск : Периодика. — 2016. — 399 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Красный пролетарий, 2006 — .
3. ККК — «Обернись-ка милой кукушечкой» = *Käte-ške käbedaks kägoihudeks*: вепские причитания / составители Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : Редакционно-издательский отдел Карельского научного центра РАН, 2012. — 223 с.
4. ЛАВЯ — *Лингвистический атлас* вепского языка / ред. Н. Г. Зайцевой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 573 с.
5. Макаров Г. Н. Словарь карельского языка / Г. Н. Макаров. — Петрозаводск : Карелия, 1990. — 495 с.

6. ОВР — *Зайцева М. И.* Образцы вепсской речи / М. И. Зайцева, М. И. Мулло-нен. — Ленинград : Наука, 1969. — 296 с.
7. *Пунжина А. В.* Словарь карельского языка (тверские говоры) / А. В. Пунжина. — Петрозаводск : Карелия, 1994. — 396 с.
8. СВЯ — *Зайцева М. И.* Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Мулло-нен. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — 745 с.
9. СОСД — *Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельско-го, вепсского, саамского языков* / под редакцией Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. — Петрозаводск : Карелия, 2007. — 343 с.
10. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва: Санкт-Петербург : На-ука, 1965—. — Вып. 1—.
11. *Häkkinen K.* Nykysuomen etymologinen sanakirja / K. Häkkinen. — Juva : WSOY, 2007. — 1633 s.
12. KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1968—2005. — Osat 1—6.
13. LP — *Lühüdad pajoized* / Keradanu R. Lonin. — Petroskoi : Redakcionno-izdatelskii otdel, 2000. — 70 s.
14. SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1955—1981. — Osat 1—6.
15. SSA — *Suomen sanojen alkuperä*. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992—2000. — Osat 1—3.
16. *Vepsän sai* (Вепская свадьба) : этнографический фильм. — Петрозаводск : Союз вепсской молодежи Карелии «Vepsän vezad», 2006.
17. VV — *Vepsa vanasõnad* / Koostatud V. Mälk, A. Hussar, A. Kährik, T.-R. Viitso. — Tallinn, 1992. — Vihik 1—2.
18. VVS — *Kettunen L. Vepsän verkkosanasto* [Electronic resource] / L. Kettunen. — Access mode : <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокурова И. Ю.* Семья и семейный быт / И. Ю. Винокурова // Прибалтийско-финские народы России. — Москва : Наука, 2003. — С. 406—407.
2. *Винокурова И. Ю.* Вепсская семья и семейные отношения / И. Ю. Винокурова // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 403—411.
3. *Жукова О. Ю.* Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова / О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : Редакционно-издательский отдел Карельского научного центра РАН, 2015. — 156 с.
4. *Михайлова Л. П.* К поиску этимологии необычного русского слова в этноконтактной зоне карельского поморья (прихохотье) / Л. П. Михайлова // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 186—190.
6. *Grünthal R.* Vepsän kieliooppi / R. Grünthal. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 2015. — 347 с.
7. *Kalima J.* Slavilaisperäinen sanastomme / J. Kalima. — Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. — 1952. — № 243. — 234 с.

8. *Salve K.* Vepsäläisestä folkloresta / K. Salve // Vepsä. Maa. Kansa. Kulttuuri. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. — C. 86—118.
9. *Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria / E. A. Tunkelo. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 1946. — № 228. — 922 c.
10. *Valli A.* Jiitin ja Jalan etymologis: kansatieteellinen sana- ja perinnekirja / A. Valli. — Helsinki : Anson Oy, 1989. — Osat 1—4.
11. *Wiik K.* Vepsän vokaalisointu / K. Wiik. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1989. — 233 c.

“LET YOU HAVE NINE SONS AND ONE DAUGHTER”: NAMING A YOUNG MAN AND A GIRL IN THE VEPS ETHNOLINGUISTIC SPACE¹

© **Nina G. Zaitseva (2020)**, orcid.org/0000-0002-8335-2137, Doctor of Philology, Head of the Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), zng@ro.ru.

© **Olga Yu. Zhukova (2020)**, orcid.org/0000-0001-9527-7982, PhD in Philology, Junior Researcher, Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia), olgazhukovaveps@mail.ru.

The results of a comparative analysis of the vocabulary of a thematic group of Vepsian-speaking naming concepts of “boy” and “girl” are presented in the article. The authors believe that it is the historical realities of life and the special position of males in the Russian state, primarily associated with the allotment of land, reflected in the formation of vocabulary of the Veps language of this group. The question is raised about the Vepsian special desire to present and embody in language images certain complete, terminological, correspondences to Russian naming, which initiated the appearance of borrowings from the Russian language and Russian dialects. Attention is drawn to the studies of etymologists regarding the lexeme denoting a boy, a young man, which is considered to be Russian borrowing in the Veps and Karelian languages: Veps. *priha* Kar. *Briha* <Rus. *pretty*. In turn, dialectologists argue that the inverse link of the lexeme borrowed in the Vepsian and Karelian languages and the influence of its new phonetic appearance and semantics on Russian Pomeranian dialects of Karelia, which led to the appearance in the latter lexemes of *prikhokhotye* with the meaning ‘beloved, dear’, is known. This issue indicates the cycle of mutual attraction and mutual influence in the ethno-contact zone. The analysis showed that the terminology for naming a girl and a young woman did not experience the same pressure from the state language, since their figures were not so involved in public life as boys and men. In this group of vocabulary, the original lexical heritage (*adiv*, *neižne*, *neičukaine*, *neidine*; *devočk*) was preserved to a greater extent. Lexeme *adiv* ‘girl; guest’, in addition, allowed to some extent touch upon the secrets of the Veps guest mentality.

Key words: Veps language; areal linguistics; vocabulary; semantics; etymology; language contacts.

1 The article was prepared as part of the implementation of the state task of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

MATERIAL RESOURCES

- Boyko, T. P., Markianova, L. F. (2016). *Bolshoy russko-karelskiy slovar' (livvikovskoye narechiye)*. Petrozavodsk: Periodika. (In Russ.).
- Dal, V. I. (2006—). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka, 4*. Moskva: Krasnyy proletariy. (In Russ.).
- Häkkinen, K. (2007). *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Juva: WSOY. (In Finn.).
- KKK — Zaytseva, N. G., Zhukova, O. Yu. (ed.). (2012). *Käte-ške käbedaks kägoihudeks = Obernis'-ka miloy kukushechkoy. Vepsskie prichitaniya*. Petrozavodsk. (In Russ.).
- KKS — Pertti, Virtaranta. (ed.). (1968—2005). *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. I—VI. (In Karel.).
- LAVYa — Zaytseva, N. G. (ed.). (2019). *Lingvisticheskiy atlas vepsskogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- LP — Lonin, R. (ed.). (2000). *Lühüdad pajoized*. Petroskoi: Redakcionno-izdatelskii otdel. (In Karel.).
- Makarov, G. N. (1990). *Slovar' karelskogo yazyka*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).
- OVR — Zaytseva, M. I., Mullonen, M. I. (1969). *Obraztsy vepsskoy rechi*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Punzhina, A. V. (1994). *Slovar' karelskogo yazyka (tverskiye govory)*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. (1955—1981). Helsinki. I—VII. (In Finn.).
- SOSD — Eliseeva, Yu. S., Zaytsevov, N. G. (2007). *Sopostavitelno-onomasiologicheskiy slovar' dialektov karelskogo, vepsskogo, saamskogo yazykov*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).
- SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1—*. (1965—). Moskva: Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. (1992—2000). Jyväskylä. I—III. (In Finn.).
- SVYa — Zaytseva, M. I., Mullonen, M. I. (1972). *Slovar' vepsskogo yazyka*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russ.).
- Vepsän sai (Vepsskaya svaadba): etnograficheskiy film*. (2006). Petrozavodsk: Soyuz vepsskoy molodezhi Karelii «Vepsän vezad». (In Finn.).
- VV — Mälk, V., Hussar, A., Kährik, A., Viitso, T.-R. (eds.). (1992). *Vepsa vanasõnad, 1—2*. Tallinn. (In Finn.).
- VVS — Kettunen, L. *Vepsän verkkosanasto*. Available at: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>. (In Finn.).

REFERENCES

- Grünthal, R. (2015). *Vepsän kielioppi*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. (In Finn.).
- Kalima, J. (1952). *Slavilaisperäinen sanastomme, 243*. Helsinki: Suomalais-Ugri-laisen Seuran Toimituksia. (In Finn.).
- Mikhaylova, L. P. (2018). K poisku etimologii neobychnogo russkogo slova v etnokontaktnoy zone karelskogo pomorya (prikhokhotye). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3: 186—190. (In Russ.).
- Salve, K. (2005). Vepsäläisestä folkloresta. In: *Vepsä. Maa. Kansa. Kulttuuri*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 86—118. (In Finn.).

- Tunkelo, E. A. (1946). *Vepsän kielen äännehistoria*, 228. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. (In Finn.).
- Valli, A. (1989). *Jiitin ja Jalan etymologis: kansatieteellinen sana- ja perinnekirja, 1—4*. Helsinki: Anson Oy. (In Finn.).
- Wiik, K. (1989). *Vepsän vokaalisointu*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Finn.).
- Vinokurova, I. Yu. (2003). Semya i semeynyy byt. In: *Pribaltiysko-finskiye narody Rossii*. Moskva: Nauka. 406—407. (In Russ.).
- Vinokurova, I. Yu. (2019). Vepsskaya semya i semeynyye otnosheniya. In: *Narody Karelii. istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Petrozavodsk: Periodika. 403—411. (In Russ.).
- Zhukova, O. Yu. (2015). *Vepsskiye obryadovyye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova*. Petrozavodsk: Redaktsionno-izdatelskiy otdel Karelskogo nauchnogo tsentra RAN. (In Russ.).